

Будничные одежды критики

Сырودهва А. А.,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН,
h.puck@mail.ru

Аннотация: Социальная критика — один из факторов, который поддерживает изменения в сегодняшнем динамичном мире. Ее доступная публичность ставит перед самыми разными социальными субъектами вопрос о конструктивности собственных критических усилий. В статье обсуждается, насколько важен для результативности критики не только ее содержательный аспект, но и стилистика выражения, обусловленная степенью готовности видеть в стоящих с противоположной стороны дискуссионного барьера таких же людей, как сам критик. На примере двух произведений Тимура Кибирова — поэмы «Сквозь прощальные слезы» и романа «Генерал и его семья» — в статье рассмотрены некоторые аспекты социальной критики, определяющие ее тональность, в их числе — внимание к социокультурным деталям, учет амбивалентности конкретного общественного феномена, а также наличие у социального субъекта сомнений относительно собственной критической позиции.

Ключевые слова: социальная критика, стилистика критики, тональность высказывания, Тимур Кибиров, поэма «Сквозь прощальные слезы», роман «Генерал и его семья», оппонент, предмет критики, социокультурные детали, амбивалентность, сомнение, советская история.

Информационный шум современного мира складывается не только из широко используемой возможности заявить собственное мнение, но и из значительной вариативности стилей, в которых представлены позиции конкретных социальных субъектов. Публичность стилевого многообразия — завоевание времени. Однако, присмотревшись к этой тенденции, можно заметить, что благодаря манере, «обрамляющей» содержание обращения, автор последнего может не только достичь своей цели, но и обрести эффект, противоположный предполагавшемуся. Любое мнение относительно. Относительным в квадрате его делают интонационно-стилистические особенности. Утрата чувствительности к манере собственного высказывания по результативности близка к утрате чувства меры, описанной А. Пушкиным в «Сказке о рыбаке и рыбке».

Социальная критика — одна из сфер, где напряжение между содержанием и стилевым воплощением мнения отчетливо дает о себе знать. Критика используется разными субъектами общества с целью изменить его, по мнению инициаторов, к лучшему, но осуществление этой задачи во многом зависит от того, как говорится о предлагаемых трансформациях.

Сегодня вопрос стилистики презентуемого мнения касается не только публичных фигур, но и рядовых граждан, получивших широкий доступ к социальным микрофонам. Тональность отдельного высказывания перестает быть характеристикой исключительно личной склонности или конкретных межличностных отношений, легко аккумулируясь, она быстро распространяется по каналам общественных связей. Обращение к Другому легко превращается в обращение к миру. И в этом смысле стоит говорить о возрастании ответственности каждого за то, как формулируется мнение.

Белорусские события лета-осени 2020 г. — выразительный пример того, как разные стили критики присутствуют в одной политической культуре, каких усилий требует выбор между ними. Если противопоставление демократических ценностей тоталитарным формам правления в содержательном плане получило общемировое признание, то манера того, как об этом заявлять на улицах и в СМИ, в каждом конкретном случае остается национально специфичной. Белорусам удалось найти и продемонстрировать особый формат, который оказался очень продуктивным, особенно в противовес демагогично-лживому.

Человечеству не суждено существовать без более или менее серьезных проблем. Выбор в пользу интонации, настроенной на взаимное вслушивание и понимание, делает соответствующий процесс поиска решения более конструктивным. Эмоции могут толкать в одном направлении, а разум тем временем подскажет другой. В начале пандемии 2020 г. было большое искушение найти «виновника» появления и распространения коронавируса. Мир стоял на грани провала в бездну взаимообвинений, сегрегации целых государств и культур. Но врачи, далекие от политики, терпеливо повторяли, что вирусы были и будут, коронавирусы в том числе, что реально работающих в области медицины специалистов мало волнует «история» возникновения одного из них, когда в разных уголках мира дает о себе знать масштабная и во многом новая проблема; главная задача — разобраться в признаках конкретной болезни, способах ее лечения и попытаться выработать противоядие. Сдержанные интонации высказываний медиков обыграли эмоциональные призывы политиков. Мир, так часто расколотый по многим сюжетам, неожиданно продемонстрировал консолидированность усилий. Вопрос «Как говорить, обсуждать?», вопрос формы, не отменил, не устранил содержательных составляющих поиска решений, а выступил с ними в тесной связке.

Коль скоро социальная критика предполагает изменения, а в динамичной жизни нашего современника таковых много, и скорость их лишь возрастает, вопрос тональности критической установки касается многих наших действий: от семейно-дружеских до профессиональных. Привлечение общественного внимания к этой проблеме делает оправданным поиск ключей к ней, в том числе в литературных текстах.

В данном случае хотелось бы остановиться на двух произведениях Тимура Кибирова. Речь пойдет о поэме «Сквозь прощальные слезы»¹ и романе «Генерал и его семья»². Стоит уточнить, что разговор об этих произведениях будет ограничен лишь

¹ Кибиров Т. Ю. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т. Ю. Сантименты /Восемь книг/. — Белгород: РИСК, 1993. — С. 125–155.

² Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — М.: Индивидуум, 2020.

асpekтами, рассматриваемыми в данной статье³. Разнесенные во времени (поэма датирована 1987 г., а с романом в полном объеме читатели смогли познакомиться в конце 2019 г.), эти тексты демонстрируют значимость для автора серии сюжетов, с которыми он продолжает работать, руководствуясь однажды выбранными принципами.

По собственному признанию Т. Кибирова, в поэме «Сквозь прощальные слезы» он стремился запечатлеть уходящую натуру — исчезновение с исторической сцены Советского Союза⁴. Об общественном значении этого текста Р. Лейбов, О. Лекманов и Е. Ступакова — авторы-составители увесистого тома комментариев — пишут так: «Поэма Тимура Кибирова представляется нам поэтическим высказыванием, максимально выразившим эмоциональный опыт поколений, которые в зрелом возрасте застали эпоху распада коммунистического проекта. В этом отношении в истории литературы она оказывается зеркальным двойником “Двенадцати”. Блок в 1918 году слушал музыку Революции. Кибиров семьдесят лет спустя вслушивался в скрежещущую какофонию распадающегося советского мира, переводя ее на язык русской поэзии конца века»⁵.

Крушение общественного проекта, за которым стояла жизнь нескольких поколений, — масштабное критическое событие. Поэма Т. Кибирова — историческое полотно⁶, задуманное отразить и осмыслить случившееся. Мазками ложатся фразы песен, стихов, лозунгов, крылатых выражений, а также отдельные слова-бирки, отсылающие к реалиям советского быта. Вербальные штрихи превращаются в картину эпохи: мы слышим ритмы песен, разговоров, дел, наполнявших жизнь советского человека в разные

³ Отдельные произведения Тимура Кибирова обсуждались нами ранее в контексте иных проблем. См.: Сыродеева А. А. «Практическая» историософия и дети // Сыродеева А. А. Возможности малого. — М.: Вост. лит., 2012. — С. 39–55; Сыродеева А. Мир малого. Опыт описания локальности. — М.: ИФРАН, 1998. — С. 43–47.

⁴ «У меня была твердая уверенность в том, что власть уже не та, что все кончается и советский мир, как Атлантида, погружается в бездну. Я хотел его сохранить», — скажет поэт в интервью. (Шавловской К. Тимур Кибиров: «Ностальгия в государственных масштабах» // Сеанс. 2008. — № 35/36. URL: <https://seance.ru/articles/timur-kibirov-nostalgiya-vgosudarstvennyih-masshtabah/>

⁵ Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. — М.: ОГИ, 2020. — С. 51.

О том, сколь значимой эта поэма стала в поэтико-общественном смысле, М. Гаспаров отмечает: «В русской поэзии он [трехстопный анапест] звучит то Блоком, то Некрасовым, а свести Блока и Некрасова в один строй не так-то легко. А Кибиров сумел это сделать. Он привел их к одному знаменателю, и к какому? К советской массовой песне. Советские песни таким размером, конечно, были, но их было не так уж много: это уже после Кибирова нам кажется, что их много. Кто внимателен, тот заметил: в этих строчках [поэмы “Сквозь прощальные слезы”] то и дело легкими перестановками к нашему ритму подгоняются и строчки из совсем других размеров. Всю эту тонкую работу в размахе многостраничной поэмы молодой Кибиров сделал безукоризненно. Этот анапест уже почти независимо от содержания становится у него знаком советской культуры в целом — теперь, после Кибирова, он будет напоминать о сталинских парадах в каких угодно и в чьих угодно стихах. Создать такой мощный звуковой образ — поверьте мне как филологу — это не шутка, это подвиг». (Гаспаров М. Л. Тимур Кибиров. Буклет Премии «Поэт» 2008 года. URL: <http://kibirov.poet-premium.ru/>)

⁶ Обращая внимание на «лирический историзм» Т. Кибирова во вступительной статье к его сборнику «Стихи» (2009), А. Немзер отмечает: «...череда его сочинений вполне может читаться как своего рода “славная хроника”, служить надежным, хотя и требующим особой оптики, источником по истории российской культуры (и/или общественной жизни) 1980-х — 2000-х годов». (Немзер А. Читателям Тимура Кибирова // Кибиров Т. Стихи. — М.: Время, 2009. — С. 7.)

периоды существования СССР. Временной масштаб поэмы значителен, и приобщаемся мы к нему через ощущения, переживания, размышления поэта, попеременно доверительно обращающегося, ставящего себя на место людей, населявших просторы страны. «...Скрытый сюжет “...Прощальных слез” вмещает всю историю Советского Союза, пропущенную через личную память, лирический голос разрастается грандиозным многоголосием “чужого слова”», — отмечает М. Свердлов в статье «Последний эпос», завершающей указанный том комментариев⁷.

Следуя за повествованием Т. Кибирова, мы оказываемся в разных точках советского мира: местах публичных и частных, общественно одобряемых и порицаемых, желанных и вполне рядовых. Обратимся к начальным строкам поэмы.

*Пахнет дело мое керосином,
Керосинкой, сторонкой родной,
Пахнет «Шипром», как бритый мужчина,
И как женщина — «Красной Москвой»*

*(Той, на крышечке с кисточкой), мылом,
Банным мылом да банным листом,
Общепитской подливкой, гарниром,
Пахнет булочкой там, за углом.*

*Чуешь, чуешь, чем пахнет? — Я чую,
Чую, Господи, нос не зажму —
«Беломором», Сучаном, Вилюем,
Домом отдыха в синем Крыму!*

*Пахнет вываркой, стиркою, синькой
И на ВДНХ шашлыком,
И глотком пертуссина, и свинкой,
И трофейным австрийским ковром,*

*Свежеглаженным галстуком алым,
Звонким штандыром на пустыре,
И вокзалом, и актовым залом,
И сиренью у нас на дворе.*

*Чуешь, сволочь, чем пахнет? — Еще бы!
Мне ли, местному, нос воротить? —
Политурой, промасленной робой,
Русским духом, едрить-колотить!*

*Вкусным дымом пистонов, карбидом,
Горем луковым и огурцом,
Бигудями буфетчицы Лиды,
Русским духом, и страхом, и мхом⁸.*

⁷ Свердлов М. Последний эпос // Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. — С. 436.

⁸ Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т. Сантименты. — С. 129.

Отдельные поэтические элементы исторической картины, воспроизводящие идеологический словарь, фасад советской жизни, предстанут содержательно холостыми, внутренне полыми, а другие, напротив, откликнутся долгим, сердечным эхом. Контрастность между соседствующим через запятую, сквозь время остающимся дорогим и неприемлемым, близким и инородным — избранный поэтом критический метод. Автор дает понять, что критика сродни гражданской войне, ибо по ту сторону линии «дискуссионного» фронта — несмотря ни на что, тоже люди. Поэтому, подсказывает нам поэт, бороться стоит не с конкретным человеком, а с тем, что вынуждает его в определенных обстоятельствах вести себя неприемлемым, недостойным образом. Людей более или менее слабых и сильных, приятных и малосимпатичных поэт собирает своим поэтическим даром вместе, помогая искать спасение от страданий, внутренних переживаний, ошибок. Эмпатийный характер критики Т. Кибирова отчетливо звучит на протяжении всей поэмы. В Заключении этому мотиву-позиции придана молитвенная форма.

*Благослови же, Господи, Россию,
В особенности Милу и Шапиро,
Шапиро Мишу и Шапиро Иру!*

*Олежку, и Сережку, и так далее!
И Жанку, и Анжелку, и так далее!
Сазонова сержанта, и так далее!
И Чуню, и Дениску, и так далее!
В особенности — Англию с Италией,*

*Америку и Юлю с Вероникою!
Спаси, Иисусе, Родину великую!
Спаси, Господь, неловкую Россию,
И Подлипчук, и Милу, и Шапиро,
И ветерана в стареньком мундире!⁹*

«Всю свою поэтическую власть, всю магию поэт обращает в эмпатию, в контакт с другим — как со своим», — отмечает М. Свердлов¹⁰. Добавим лишь, что подобная «сочувствующая» критика укоренится в общенациональном масштабе, наверное, если будет взаимной, многосторонней.

Сопереживание как неотъемлемую составляющую критики Т. Кибиров дарит читателю, исходя из своей гражданской позиции. А как Художник он помогает нам подмечать в действительности неизбежную смешанность «красок». Усилие видеть сложную гамму мира (воплощенную и в цвете, и в звуке, и в смыслах, и даже в запахах) делает нас не только объективнее и справедливее, но спасает, поддерживает душевно и психологически. Камертоном звучит «Лирическая интермедия», размещенная между главами VI (о хрущевском периоде) и V (о брежневских и черненкоовских годах). Написанная с помощью иного (не столько советского, сколько общекультурного) словаря

⁹ Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т. Сантименты. — С. 155.

¹⁰ Свердлов М. Последний эпос // Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. — С. 439.

и ритма, интермедия передает позицию автора, звучащую и в главах об этапах «большого пути» страны.

*Знаешь край? Не знаешь края,
Где уж знать тебе его!
Там, над кровлей завывая,
Бьются бесы — кто кого!*

*Там такого мозельвейна
Поднесут тебе, дружок,
Что скопытишься мгновенно
Со своих прыгучих ног.*

*Там и холодно и страшно!
Там прекрасно! Там беда!
Друг мой, брат мой, ночью ясной
Там горит моя звезда.*

*Знаешь край? Я сам не знаю,
Что за край такой чудной,
Но туда, туда, туда я
Должен следовать, родной.*

*Кто куда — а я в Россию,
Я на родину щегла.
Иней белый, ситец синий.
Моцарт, Моцарт! Мне пора.*

*Кто о чем, а я о бане,
О кровавой бане я...
До свиданья, до свиданья!
Моцарт! Не забудь меня!*

*Я иду во имя жизни
На земле и в небесах,
В нашей радостной Отчизне,
В наших радужных лучах!*

*Ждет меня моя сторонка,
Край невыносимый мой!
Моцарт рассмеялся звонко:
«Что ж, и я не прочь с тобой!»*

*Моцарт, друг ты мой сердечный,
Таракан запечный мой!
Что ты гонишь, дух беспечный,
Сын гармонии святой!*

Ну куда тебя такого?
Слишком глуп ты, слишком юн.
Что для русского здорово,
То для немца карачун!

Нет уж! Надо расставаться!
Полно, херц, майн херц, уймись!
Больше нечего бояться.
Будет смерть и будет жизнь.

Будет, будет звук тончайший
По-над бездною лететь,
И во мраке глубочайшем
Луч легчайший будет петь!¹¹

Во вступительной статье к сборнику «Сантименты» (1993), включавшему и поэму «Сквозь прощальные слезы», С. Гандлевский подробно останавливается на критической позиции Т. Кибирова. Позволим себе привести несколько фрагментов этого анализа.

«...Именно “неприличная” пылкость делает Кибирова Кибировым. Так чего он кипятится? Он поэт воинствующий. Он мятежник наоборот, реакционер, который хочет защитить, заштопать “отсюда и до Аляски”. Образно говоря, буднично и прилично одетый поэт взывает к слушателям, поголовно облаченным в желтые кофты. <...>

...Сокол напрасно дразнил ужа и хвастал своей безграничной свободой. На настоящего художника есть управа, имя ей гармония, и родом она, вероятно, оттуда же, откуда и законы повседневного обывательского общежития. Просто не так заземлена и регламент не такой жесткий.

<...>

...Любовь, чувствительность, сентиментальность дают ему право на негодование. Ровно потому мы имеем дело с поэзией, а не с гневными восклицаниями в рифму... И любовь и ненависть Кибирова обращены на один и тот же предмет. Полученому это называется амбивалентностью. Но проще говоря, он, как все мы, грешные, больше всего на свете любит свою жизнь, а советский единственный быт занял всю нашу жизнь и он омерзителен, но он слишком многое говорит сердцу каждого, чтобы можно было отделаться одним омерзением. <...>

Именно любовь делает неприязнь Кибирова такой наблюдательной. Негодование в чистом виде достаточно подслеповато»¹².

И автор в своих интервью, и комментаторы именно с поэмой «Сквозь прощальные слезы» соотносят роман «Генерал и его семья». «Роман Кибирова <...> входит в один смысловой (и эмоциональный, и интонационный) комплекс с его поэмой “Сквозь

¹¹ Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т. Сантименты. — С. 147–148.

¹² Гандлевский С. Сочинения Тимура Кибирова // Кибиров Т. Сантименты. — С. 5–10.

прощальные слезы”», — читаем у О. Балла-Гертман¹³. Что роднит эти произведения? Поэма и роман принадлежат пространству глубокого и честного осмысления, ставшего почти роковым, круга вопросов, относящихся к истории Советской Союза. При этом автор выступает в роли документалиста, кропотливо работающего с текстовыми свидетельствами. Много и смело экспериментирует с литературным материалом, опираясь на свое увлечение историей культуры и мастерство создавать текст-посредник между реальностью, читателем и пишущим. Отчетливо звучит в этих произведениях искренняя позиция конкретного человека — Тимура Кибирова. Особо хотелось бы отметить такую объединяющую два произведения характеристику, как дар автора наделять текст гармоничным сочетанием разных эмоций при отчетливо звучащей вере в доброе, светлое начало.

За годы, разделяющие два произведения, многое произошло в общественной жизни, в индивидуальной судьбе. Жанр романа позволил Т. Кибирову более широким фронтом подойти к волнующим его вопросам советской истории, пристальнее взглянуть в них, и, соответственно, более детально, объемно выразить свою позицию. Определенно, стоит говорить о двух названных работах автора как о самоценно-ярких литературных произведениях: первое — спустя 30 лет приросло увесистым томом исторических и филологических комментариев, второе — вошло в список финалистов российской Национальной литературной премии «Большая книга» 2020 г. И при этом читатель оказывается свидетелем длящейся сквозь время последовательной позиции. В контексте проблематики нынешней статьи особую ценность представляет верность автора ранее избранной стратегии социальной критики, отличающейся способностью видеть в том, кому она адресована, такого же человека, как сам критик.

Обращаясь к советской действительности, Т. Кибиров (под влиянием личной биографии) избрал для романа один из «хорошо обстреливаемых рубежей» — жизнь генерала. Тот факт, что главный герой книги Василий Иванович Бочажок по воле пишущего несет службу в российской глубинке, облегчает автору процесс вопрошания применительно к стране с обширной периферией, а читателю помогает воспринимать центральную фигуру романа в качестве репрезентативного представителя советской ментальности (неслучайно имя и отчество ему подарены легко узнаваемые, в честь признанного любимца советского фольклора). Фокусировка на такого рода фигуре позволяет Т. Кибирову решать не только социологические и идеологические задачи, но также — экзистенциальные: ставить вопросы о том, где же проходят для человека самые частые, затяжные и трудные «бои» (а ведь и в критике таится немало воинствующего запала), какие «войны» заслуживают первоочередного обсуждения, где требуется неотложная гуманитарная поддержка.

Стоит подчеркнуть, что в историко-литературном проекте, задуманном Т. Кибировым и реализованном на страницах романа, много от «интерактивного» взаимодействия. С первых страниц автор вводит читателя в творческую мастерскую,

¹³ Балла-Гертман О. Тимур Кибиров: «Генерал и его семья» // Современная литература. 20.07.2020. URL: <https://sovlit.ru/post/7pnoe2aedo-timur-kibirov-general-i-ego-semya>

посвящает в тайны своего ремесла и, в частности, показывает, как «лепит» своего героя¹⁴. Очевидным образом Василий Иванович — трепетно созданный конструкт. Но разве не является конструктом и наше столь часто реализуемое критическое отношение к реальности? Мы имеем возможность наблюдать, как Т. Кибиров создает героя, опираясь на собственные жизненные промахи и удачи. А ведь и сами конструируем принципы, позицию, отношение к миру из фрагментов личного, семейного, известного нам опыта других. Можно предположить, что то, как Т. Кибиров не стесняется обсуждать свои литературные эксперименты, культурные пристрастия (от поэтических до музыкальных), мировоззренческие установки (на религию и национальный вопрос, любовь и жизнь), периодически вступая в диалог с героями, читателями и самим собой, тем самым дает нам понять, что не стоит ни страшиться сомнений, ни останавливаться в вопрошании, в том числе когда мы выбираем оружие критики или очки для критического восприятия мира¹⁵.

Вот некоторые из авторских «комментариев», вписанных в сюжет романа, связанных то с конкретным героем, то с построением повествования, то с мировоззренческими приоритетами, имеющими отношение к критике как деятельности, в понимании Кибирова.

«Оценка эта <...>, может быть, и верная, но хамство и жестокость никакой правотой оправданы быть не могут»¹⁶.

«...Ахматова обходилась при этом без истерик, была сдержанна, строга и тайно насмешлива, внушала унаследованное от Пушкина (а по происхождению античное) чувство меры...»¹⁷

¹⁴ В собственных интерактивных действиях Т. Кибиров руководствуется экспериментами, предпринимавшимися предшественниками по цеху. В одном его интервью читаем: «Набоков — не помню где — довольно строго говорит, что настоящий читатель должен отождествлять себя не с героями, а с автором. Требование справедливое, но чрезвычайно жесткое, потому что читатель — тем более молодой, увлеченный книгой — конечно, ассоциирует себя не со Львом Толстым, а с Наташей, или с князем Болконским, или с Пьером. И я решил вот таким простодушным незатейливым образом помочь читателю выполнить завет Набокова, чтобы он мог как бы вместе с автором писать этот роман». (Оборин Л. Тимур Кибиров: «Главное свойство советской власти — ложь от начала до конца» // Букмейт. 23.03.2020. URL: <https://journal.bookmate.com/kibirov/>)

¹⁵ Показателен в этом отношении предпринятый Т. Кибировым на страницах романа открытый для публики «разбор» своих ранних поэтических текстов. (См.: Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — С. 114–165.) И то, что это, в свою очередь, не чисто литературный ход, а внутренняя позиция, позволяет понять еще одно признание: «Опыта советской казармы я не пожелаю никому. <...> Может быть, в единственном случае — именно в моем — это был очень полезный опыт. Печальный, трагический, но полезный. Он выбил из меня много дури и ни на чем не основанной гордыни.

В армии я понял, что все мои умения писать венки сонетов, знание наизусть всего Блока и половины Баратынского и попытки читать на языке оригинала Шекспира не делают меня лучше сослуживцев. Я такой же слабак, такой же трус.

Вся эта высокая культура никак не помогла мне вести себя достойно. Я поступал точно так же, как все эти несчастные парнишки из Сумской и Харьковской области, с которыми я служил. Спесь с меня была сбита, и надолго — надеюсь, навсегда». (Оборин Л. Тимур Кибиров: «Главное свойство советской власти...»)

¹⁶ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — С. 265.

¹⁷ Там же. С. 120.

«Не помню, кто это сказал, но сказал правильно — невероятное и экстраординарное следует отдать на откуп журналистам, пусть они фиксируют курьезы и эксцессы; писателю же надлежит возиться с обыкновенным и типическим, растить стихи из всякого сора, видеть, как Блейк в переводе Маршака, в чашечке цветка небо, а в героине “Графа Нулина” Лукрецию, подмечать ускользающие, летучие, как семена одуванчика, глупости и мелочи, запечатлевать и возводить в ранг символа всю эту обыденную и эфемерную херомантию, то есть, попросту говоря, из говна делать конфетки.

<...>

В перл создания возводится ведь, как правило, ничем не примечательная песчинка, случайно занесенная в раковину, использовать же для этой цели жемчужину — бессмысленный плеоназм и убогая тавтология.

А советский казарменный быт для моих потенциальных читателей, среди которых вряд ли многие отслужили в рядах Советской армии, да и для меня самого до сих пор именно невероятен, фантазмагоричен и невозможен, и скрупулезно честное его описание с неизбежностью произведет впечатление скверного сочинительства и литературицины»¹⁸.

«А еще меня в молодости поразило одно стихотворение <...> “В Переделкине дача стояла” [Н. Заболоцкий]. <...> Так вот вы откуда родом, Василий Иванович! С этой душещипательной дачи. Хотя вы и не старичок вовсе и не холостяк, но, похоже, именно эту, некогда запавшую в душу мелодию я и пытаюсь высвистать неумелыми своими губищами. <...> Поди попробуй такое сочини, замучаешься! Да еще так мастерски, чтобы <...> трагикомический провинциальный эстет был этой архаической сентиментальностью разбужен, как выстрелом, пленен и обезоружен»¹⁹.

Принципиальным представляется тот факт, что автор любит своего главного героя («...и был Василий Иванович, как я предполагаю, под грубой советской оболочкой заколдованным рыцарем...»²⁰, «воин — благородный, отважный и верный»²¹), наделяя его горячностью, перемешанной со смешливостью, глубоким, трогательным чувством к жене, отцовской самоотверженностью, порядочностью, а еще... выбором классической музыки в качестве жизненной опоры. И при этом нам явлен совсем не сахарный образ, например, в его отношении к сыну Степке было много «несправедливости и поспешных суждений», генерал «вообще пронизательностью и тонкостью не отличался»²². Но для автора острые углы образа Василия Ивановича компенсировало то, что «иногда, в часы ночных

¹⁸ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — С. 276–277.

¹⁹ Там же. С. 559–561.

²⁰ Там же. С. 354.

²¹ Там же. С. 601.

²² Там же. С. 575

сомнений и тягостных раздумий, чувствовал он себя виноватым, хотя сам не понимал в чем»²³.

В сплаве чувств по отношению к генералу и его жизненной истории критика автора бьет по конкретным социальным мишеням: по порокам, структурам, идеям, но не по человеку. И пусть меньше внимания уделено другим героям, но ведет себя автор с ними схожим образом: придумывает-вспоминает жизненные ситуации для них, чтобы отдать должное доброму, (вместе с героями и читателями) посмеяться над поступками и поспорить о взглядах, отругать за доставленную другим боль и просто житейские нелепости. Люди воспринимаются автором и согласно таким принципам находят воплощение на страницах романа в сложной переплетенности слабых и сильных сторон, в неустанной внутренней динамике. Никто не совершенен, напоминает нам Т. Кибиров. И при этом он верит в лучшее в каждом из своих героев. Текст наполняет читающего светлым чувством при всех трагических эпизодах, встроенных автором-документалистом в сюжет. Мы не только смеемся над конкретными шутками, увлеченно следуем за динамичным, полным курьезных неожиданностей повествованием, нам радостен (нас греет, поддерживает и вдохновляет) его тон, настрой. И в этом смысле можно говорить о том, что критика Т. Кибирова сплетена с более глубоким чувством, тем, которым пронизаны, например, его «Двадцать сонетов к Саше Запоевой»²⁴ и роман «Лада, или Радость»²⁵.

Избранная Т. Кибировым критическая тональность созвучна той, что отчетливо слышится Д. Быкову в жизненном и творческом пути Б. Пастернака, и которая детально, аргументированно, с любовью и признательностью представлена в объемном исследовании «Борис Пастернак», вышедшем в серии «Жизнь замечательных людей» Издательства «Молодая гвардия»²⁶. Близки исходные литературно-мировоззренческие позиции Б. Пастернака и Т. Кибирова. Так, описанная Д. Быковым пастернаковская «органическая, врожденная связь с миром»²⁷, воплотившаяся в «цепочках созвучий <...> скрепляющих все со всем»²⁸, перекликается с кибировским воспоминанием о том, как «впервые был пронзен осознанием символического соответствия всего всему и красотой сопряжения далековатых идей»²⁹. Подобно тому, как трепетно создавался Б. Пастернаком роман «Доктор Живаго», как много личного он вкладывал в образ центрального героя, значим для Т. Кибирова созданный им литературный генерал, вобравший в себя многочисленные социальные векторы³⁰, сделавшие Т. Кибирова таким, какой он есть. Оба

²³ Там же. С. 606. Подробнее об этом: «Смысл, вне всякого сомнения, имелся, и долг, как всегда, был свят и нерушим, и обязанности исполнялись неукоснительно, и все-таки и тем не менее подколотная тоска-кручина изводила Бочажка, и все чаще тень разочарования ложилась на его насупленное чело, и “парадоксель” в его устах звучал уже не строгим выговором за нарушение гармонии и порядка и не призывом к немедленному устранению недостатков, а скорбной констатацией несовершенства и абсурдности жизни». (Там же. С. 569.)

²⁴ Кибиров Т. Двадцать сонетов к Саше Запоевой // Кибиров Т. Парафразис. — СПб: Пушкинский фонд, 1997. — С. 63–72.

²⁵ Кибиров Т. Ю. Лада, или Радость: Хроника верной и счастливой любви. — М.: Время, 2010.

²⁶ Быков Д. Л. Борис Пастернак. — М.: Молодая гвардия, 2007.

²⁷ Там же. С. 454.

²⁸ Там же. С. 453.

²⁹ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — С. 564.

³⁰ В сюжетную линию романа вплетено много документального материала, включая дневниковые записи отца Т. Кибирова.

поэта помещают своего главного героя в исторический контекст, соотносимый с периодом их собственного становления. Отчетливы параллели в том, как воспринимается авторами социальная действительность в ее влиянии на индивидуальность. В этом смысле показательны такие штрихи в созданном Т. Кибировым портрете генерала: «...власть Советов была для Василия Ивановича и миллионов других мужчин и женщин чем-то само собой разумеющимся, непреложным и необсуждаемым <...>, как некий закон природы, сила земного притяжения <...> Не об этом ли пророчествовал пастернаковский доктор: “Наставший порядок обступит нас с привычностью леса на горизонте или облаков над головой. Он окружит нас отовсюду. Не будет ничего другого”»³¹. Обоих авторов волновал вопрос, как выстраивать отношения с неизбежно берущей в кольцо реальностью. Д. Быков подчеркивает: «Отсутствие у Живаго черт “интересного человека”, гения — осознанный пастернаковский выбор. <...> Важно, что у обычного человека, ничем не выделяющегося из толпы, не наделенного никакими индульгенциями, — есть врожденное общечеловеческое право не разделять заблуждений эпохи <...> Живаго прежде всего человек...»³². И созвучно Т. Кибиров пишет о замысле показать человека, демонстрирующего «врожденные и неведомо как сбереженные качества — благородство, честность и мужество»³³, пусть такой идеал выглядит, как смешной, «ретроградный и давно разоблаченный передовой нигилистической мыслью»³⁴. Оба художника критически анализировали не только историю страны, но себя, рожденных временем, укоренных в эпохе, на которую пала молодость. Это суд, который не дает покоя, ибо цель его не оправдать или засудить себя, кого-то вокруг, а понять, какое слово желанно для звучания завтра, уже после того многого, что было пережито, прочувствовано и обдуманно. Не будем уточнять, утверждать, какие исторические периоды более вегетарианские, а какие менее. Создание литературных героев, воплощающих благодарность Творцу (решусь предположить, каждым автором по-своему понимаемому) за жизнь — своего рода подсказка читателю с каким настроением, в каком регистре стоит конструировать то, что задумано и что представляется плодотворным, способным изменить мир к лучшему.

³¹ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — С. 224.

³² Быков Д. Л. Борис Пастернак. — С. 730–731.

³³ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — С. 600–601. И об этом же ранее в романе: «Размышляя над ранним детством нашего героя и учитывая обстоятельства времени и места, мы приходим к неизбежному выводу: Вася должен был подохнуть от голода и грязи, в лучшем случае вырасти совершенным уродом. Каким чудом он выжил и стал образцовым, хотя и гонористым, офицером, мы не понимаем. Может быть, гены у Бочажков были настолько ядреными <...>, а может, ангел-хранитель, приставленный к сироте, оказался особо расторопным и бдительным». (Там же. С. 437.)

³⁴ Там же. С. 601.

Литература

- Балла-Гертман О. Тимур Кибиров: «Генерал и его семья» // Современная литература. 20.07.2020. URL: <https://sovlit.ru/tpost/7pnoe2aedo-timur-kibirov-general-i-ego-semya>
- Быков Д. Л. Борис Пастернак. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 893 с.
- Гандлевский С. Сочинения Тимура Кибирова // Кибиров Т. Сантименты / Восемь книг. — Белгород: РИСК, 1993. — С. 5–10.
- Гаспаров М. Л. Тимур Кибиров. // Тимур Кибиров. Буклет Премии «Поэт» 2008 года. URL: <http://kibirov.poet-premium.ru/>
- Кибиров Т. Двадцать сонетов к Саше Запоевой // Кибиров Т. Парафразис. — СПб: Пушкинский фонд, 1997. — С. 63–72.
- Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. — М.: Индивидуум, 2020. 624 с.
- Кибиров Т. Ю. Лада, или Радость: Хроника верной и счастливой любви. — М.: Время, 2010. — 196 с.
- Кибиров Т. Ю. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т. Ю. Сантименты / Восемь книг/. — Белгород: РИСК, 1993. — С. 125–155.
- Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. — М.: ОГИ, 2020. — 448 с.
- Немзер А. Читателям Тимура Кибирова // Кибиров Т. Стихи. — М.: Время, 2009. — С. 5–10.
- Оборин Л. Тимур Кибиров: «Главное свойство советской власти — ложь от начала до конца» // Букмейт. 23.03.2020. URL: <https://journal.bookmate.com/kibirov/>
- Свердлова М. Последний эпос // Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. — М.: ОГИ, 2020. — С. 436–441.
- Сыродеева А. Мир малого. Опыт описания локальности. — М.: ИФРАН, 1998. — 124 с.
- Сыродеева А. А. «Практическая» историософия и дети // Сыродеева А. А. Возможности малого. — М.: Вост. лит., 2012. — С. 39–55.
- Шавловский К. Тимур Кибиров: «Ностальгия в государственных масштабах» // Сеанс. 2008. № 35/36. 26.09.2008. URL: <https://seance.ru/articles/timur-kibirov-nostalgiya-vgosudarstvennyih-masshtabah/>

References

- Balla-Gertman O. *Timur Kibirov: “General i ego sem’ya”* [Timur Kibirov: “General and His Family”]. *Sovremennaya literatura* [Contemporary literature], 20.07.2020. URL: <https://sovlit.ru/tpost/7pnoe2aedo-timur-kibirov-general-i-ego-semya> (In Russian)
- Bykov D. Boris Pasternak [Boris Pasternak]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2007. 893 p. (In Russian)
- Gandlevski S. *Sochineniya Timura Kibiriva* [Works by Timur Kibirov]. Kibirov T. *Santimenty / Vosem’ knig* [Sentiments / Eight books]. Belgorod: RISK, 1993, pp. 5–10. (In Russian)

Gasparov M. L. *Timur Kibirov*. Timur Kibirov. Buklet Premii "Poet" 2008 goda [Timur Kibirov. The Booklet of the 2008 Prize "Poet"]. URL: <http://kibirov.poet-premium.ru/> (In Russian)

Kibirov T. *Dvadsat' sonetov k Sashe Zapoevoi* [Twenty Sonnets to Sasha Zapoeva]. Kibirov T. Parafrazis [Paraphrasis]. St. Petersburg: Pushkinskii fond, 1997, pp. 63–72. (In Russian)

Kibirov T. General i ego sem'ya: istoricheskii roman [General and His Family: a historical novel]. Moscow: Individuum, 2020. 624 p. (In Russian)

Kibirov T. Yu. Lada, ili Radost': Khronika verno i schastlivoi lubvi [Lada, or Joy: A Chronicle of True and Happy Love]. Moscow: Vremya, 2010. 196 p. (In Russian)

Kibirov T. *Skvoz' proshchal'nyie slezy*. [Through Farewell Tears]. Kibirov T. Santimenty / Vosem' knig [Sentiments / Eight books]. Belgorod: RISK, 1993, pp. 125–155. (In Russian)

Leibov R., Lekmanov O., Stupakova E. «Gospod'! Prosti Sovetskomu Soyusu!»: Poema Timura Kibirova «Skvoz' proshchal'nyie slezy»: Opyt chteniya [«Lord! Forgive the Soviet Union!»: Timur Kibirov's poem «Through Farewell Tears»: Reading Experience / with the app. article by M. Sverdlov]. Moscow: OGI, 2020. 448 p. (In Russian)

Nemzer A. *Chitateliam Timura Kibirova* [To Timur Kibirov's Readers]. Kibirov T. Stikhi [Kibirov T. Poems.]. Moscow: Vremya, 2009, pp. 5–10. (In Russian)

Oborin L. *Timur Kibirov: "Glavnoye svoistvo sovetskoj vlasti — loj' ot nachala do kontsa"* [Timur Kibirov: "The Main Feature of Soviet Power is Lie from Beginning to End"]. Bookmate Journal, 23.03.2020. URL: <https://journal.bookmate.com/kibirov/> (In Russian)

Shavlovskii K. *Timur Kibirov: "Nostal'giya v gosudarstvennikh mashtabakh"* [Timur Kibirov: "Nostalgia on a state scale"]. Seans [Session], 2008, № 35/36, 26.09.2008. URL: <https://seance.ru/articles/timur-kibirov-nostalgiya-vgosudarstvennyih-mashtabah/> (In Russian)

Sverdlov M. *Poslednii epos* [The Last Epic]. In: Leibov R., Lekmanov O., Stupakova E. «Gospod'! Prosti Sovetskomu Soyusu!»: Poema Timura Kibirova «Skvoz' proshchal'nyie slezy»: Opyt chteniya [«Lord! Forgive the Soviet Union!»: Timur Kibirov's poem «Through Farewell Tears»: Reading Experience / with the app. article by M. Sverdlov]. Moscow: OGI, 2020, pp. 436–441. (In Russian)

Syrodeeva A. Mir malogo. Opyt opisaniya lokal'nosti [World of the Small. Locality description experience]. Moscow: IF RAN, 1998. 124 p. (In Russian)

Syrodeeva A. A. *"Prakticheskaya" istoriosofiya i deti* ["Practical" Historiosophy and Children]. In: Vosmozhnosti malogo [Potency of the Small]. Moscow: Vost. lit., 2012, pp. 39–55. (In Russian)

Casual Style of Criticism

Syrodeeva Asya,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

h.puck@mail.ru

Abstract: Social criticism is one of the factors that supports transformations in contemporary dynamic world. Its accessible publicity raises for various social agents the question of the constructiveness of their critical efforts. The article discusses how important it is for the effectiveness of criticism not only its meaning, but also the style of expression, based on the degree of willingness to see in those who stand on the opposing side of the social discussion barrier also human beings as the critic himself/herself is. Referring to two works by Timur Kibirov: the poem *Through Farewell Tears* and the novel *The General and His Family*, the author examines some aspects of social criticism that define its tone, intonation, including attention to sociocultural details, consideration of the ambivalence of a particular social phenomenon, as well as the doubts of the social subject concerning his/her own critical views.

Keywords: social criticism, style of criticism, tone of statement, Timur Kibirov, poem "Through Farewell Tears", novel "General and His Family", opponent, subject to criticism, sociocultural details, ambivalence, doubt, Soviet history.